

ОРГАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

DOI: 10.51692/1994-3776_2021_4_103

УДК: 316.648

К.С. Дивисенко

ВОСПРИЯТИЕ БУДУЩЕГО И БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИНДИВИДА

К. Divisenko. Perception of the future and individual's biographic project

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социологического изучения представлений о будущем в контексте биографического проекта индивида. Показано, что в современных социокультурных условиях представления индивида о собственном будущем оказываются важным компонентом его социальной идентичности. Краткий обзор эмпирических исследований подтверждает, что восприятие будущего – одна из важных определяющих мотивации индивида, а также его профессиональной адаптивности. Приводится краткий обзор методик, направленных на изучение представлений индивида о будущем и обозначается значимость их для прикладных исследований.

Ключевые слова биографический проект, восприятие будущего, возможные Я, идентичность, дестандартизация, жизненный путь
Контактная информация: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул. 25/14, комн. 506; e-mail: k.divisenko@socinst.ru

Abstract. The article examines the problems of sociological study of ideas about the future in the context of an individual's biographical project. It is shown that the individual's ideas about his/her own future in modern socio-cultural conditions are an important component of his social identity. A brief review of empirical researches confirms that the perception of the future is one of the important factors of motivation of individuals, as well as in their professional adaptability. A short overview of methods aimed at studying the individual's ideas about the future is given and their significance for applied research is indicated.

Key words biographical project, perception of the future, possible selves, identity, de-standardization, life course

Contact information: 25/14 7th Krasnoarmeyskaya str, Saint-Petersburg, 190005, Russia; e-mail: k.divisenko@socinst.ru

На современном этапе социальной эволюции происходит ослабление преемственности культурных традиций, классовой, семейной, гендерной детерминации [1], что позволяет говорить о дестандартизации жизненного пути индивида [26]. Дестандартизация, в частности, характеризуется отсутствием жесткой сцепки между социальными ролями и основными фазами жизненного цикла, которая была характерна для обществ предшествующего Позднему модерну этапу.

Процесс дестандартизации жизненного пути стал отмечаться исследователями в 1980-х годах. Актуализировавшаяся в то время научная проблема заключалась в том, что существовавшая ранее модель трехэтапного жизненного цикла, которая выделяла, в качестве самостоятельных этапов, детство, юность, зрелость и старость с жестко определенными за ними статусами и ролями, перестала соответствовать меняющейся

Дивисенко Константин Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

K. Divisenko – PhD in Social Sciences, Senior researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

© Дивисенко К.С., 2021.

социальной реальности. Для описания новых явлений социологами были предложены уточненные модели, учитывающие возвратно-поступательную траекторию жизненного пути, характеризующуюся совмещением и сменой индивидами различных социальных ролей на протяжении всего жизненного цикла [28].

Имеющая место в эпоху Позднего модерна возрастающая индивидуализация, сопряженная с большей, чем в предыдущие эпохи, размытостью и условностью традиционных социальных рамок, предполагает развитие рефлексивности и актуализирует проблему выбора жизненной траектории, конструирования идентичности из набора доступных вариантов. Социальная идентичность индивида определяется рефлексивным самосознанием, и одной из основных задач человека является разработка и уточнение траектории собственной жизни на основе свершившегося прошлого и предвосхищаемого будущего [11, р. 75–81]. В силу этого биографизация жизненного пути становится одной из отличительных черт общества Позднего модерна [26]. Биографизация связана с биографической рефлексией, проблемой выбора из возможных, на разных этапах личной истории, вариантов построения жизни. Биографическая работа и забота индивидов связаны с корректировкой и пересмотром собственной траектории, с поиском наиболее подходящих, более желаемых, оптимальных сценариев развертывания жизни.

Изменения, вызванные, в первую очередь, дестандартизацией жизненного пути, заставляют по-новому смотреть на проблему социализации личности – ее интеграции в общество. Если раньше интеграция в общество была ключевым фактором для социальной идентификации, то в современных условиях особое внимание уделяется раскрытию индивидом собственного Я. Такое смещение акцента – следствие того, что собственная идентичность для современного человека оказывается наиболее стабильным элементом социального порядка в быстроизменяющемся мире, тогда как работа, семейные и личные отношения становятся всё более гибкими и нестабильными.

Рефлексия над собственной идентичностью выражается и в том, что индивиду требуется постоянно отслеживать собственные мотивы, желания, поведение, то, как они соотносятся с собственным внутренним Я. В этом плане биографический проект как целостное представление индивида о самом себе и своей жизненной траектории оказывается не только достаточно проработанной, но и открытой для пересмотра системой. Индивид, реагируя на новые вызовы и события, нарушающие повседневную рутину, вносит корректировки в свой биографический проект для того, чтобы они могли быть органически интегрированы в него.

Биографическое проектирование связано с формированием когнитивных конструкций на основе имеющегося личного и интерсубъективного жизненного опыта, которые оказывают определенное влияние на восприятие и интерпретацию собственной жизни. Образ будущего, мечты, планирование собственной жизни – все те аспекты биографического проекта, касающиеся будущего, формируются прошлым и настоящим: биографически детерминированной ситуацией (А. Шюц), в которой находится индивид, структурным и культурным контекстом. С социологической точки зрения, фиксация изменений в жизненных планах, ожиданиях, целях и средствах их достижения позволяет проследить фундаментальные социокультурные трансформации.

Несмотря на то, что процесс дестандартизации и биографизации касается людей, находящихся на различных этапах жизненного пути, часто в фокусе внимания социальных исследователей оказывается молодежь как наиболее восприимчивое к изменениям поколение. В исследованиях молодежи особое внимание уделяется анализу взаимосвязи и взаимодействию индивидуальной активности и социальной структуры в конкретных жизненных ситуациях, анализируются отдельные аспекты биографического проектирования: изменения жизненных целей представителей различных групп молодежи, их планов, устремлений [3].

Следует отметить, что еще до формального увеличения возраста молодежи до 35 лет, связанного с проводимой в России молодежной политикой (Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»), отмечалась сильная неоднородность этой возрастной группы, определяемая как социально-экономическими, так и культурными факторами [4, с. 17]. Выделение «молодых взрослых» (18-25 лет, либо 20-30 лет) как особой группы молодежи хоть и остается дискуссионным, но и имеет под собой вполне веские основания. Так, увеличение времени для получения образования, изменение моделей занятости, увеличение брачного возраста и возраста рождения первенцев формируют особый статус молодых взрослых, определяемый их переходным или пограничным состоянием. Отмечается, что этот возрастной период характеризуется тем, что для индивидов наиболее релевантными становятся различные социальные роли [5]. В этом возрасте молодые люди активно размышляют над своей жизнью и идентичностью, ставят вопросы о собственном будущем, принимают решения о собственной образовательной и профессиональной траектории, приватной сфере. В силу этих обстоятельств, как правило, именно молодые взрослые при изучении представлений о будущем оказываются в поле зрения исследователей.

Ряд эмпирических исследований роли представлений о будущем в биографическом проекте индивида опирается на концепцию «возможных Я» (possible selves), предложенную и Х. Р. Маркус и П. С. Нуриус [16]. Возможные Я представляют собой набор субъективно значимых представлений индивида о том, кем они могли бы быть, кем хотели бы быть, или, напротив, кем опасаются стать. Причем, возможные Я суть не просто множество потенциальных ролей, а именно конкретные, субъективно значимые переживания – надежды, страхи, фантазии – порожденные прошлым жизненным опытом индивида, его опытом социального взаимодействия, транслируемыми СМИ моделями и образцами и тем общим социокультурным контекстом, в котором живет индивид. Несмотря на то, что возможные Я – весьма изменчивые представления человека о самом себе, данный феномен, как показывают различные исследования, обладает мотивационной силой и является значимым компонентом самодетерминации личности [2]. Возможные Я анализируются в качестве неотъемлемой части общей самоконцепции личности, что позволяет рассматривать идентичность не как точку, а как вектор [29].

Позитивные представления о будущем являются фактором субъективного благополучия [8], а также одной из детерминант, влияющих на уровень образовательных достижений [15]. Вместе с тем, показано, что представления людей о своем будущем Я зависят и от личностных характеристик [22]. В отдельных исследованиях анализируется также влияние гендерного измерения на восприятие будущего [10; 17; 18]. Как правило исследователи, при изучении восприятия будущего сосредотачиваются на жизненных целях, восприятии доступных возможностей и ожиданий от будущей жизни, а также влиянии культурного фактора. В частности, показано, что если в западных странах восприятие будущего обусловлено большей ориентацией на индивидуализм и личный успех, то в восточных – на референтную группу или (со)общество [6]. Кроме того, при изучении восприятия будущего анализируется временной горизонт, когнитивное и эмоциональное восприятие будущего (степень ясности/определенности будущего, эмоции, возникающие при размышлении о нем), структура будущей жизни по планируемым социальным ролям или областям (доменам) жизни [9; 19].

Небезынтересны результаты исследований восприятия будущих событий по сравнению с событиями прошлого. Так, подтверждено, что события будущего воспринимаются как более близкие, чем события прошлого (находящиеся на одном и том же расстоянии от настоящего) [7; 25]. Эта временная асимметрия обусловлена различными психологическими механизмами восприятия будущего и прошлого, воображения и памяти соответственно. Вместе с тем, события предполагаемого

будущего воспринимаются более эмоционально, соответственно, имеют большую субъективную значимость.

Отдельные исследования восприятия будущего опираются на теорию карьерного развития Д. Сьюпера [24, р. 151], вполне согласующуюся с особенностями биографического проектирования в ситуации Позднего модерна. Согласно этой теории, у современного человека не профессиональное развитие формирует образ самого себя, а, напротив, представления человека о самом себе определяют его профессиональное развитие. Карьерную траекторию определяет не только сугубо профессиональная сфера, но более широкий жизненный контекст, связанный с различными статусами и ролями индивида в семье, различных сферах жизни. Я-концепция (представление человека о самом себе) формируется у индивида под действием различных факторов, как объективных (социальная среда, интеракция), так и субъективного личного опыта. Профессиональное становление осуществляется благодаря принятию тех или иных ролей, которые близки самоконцепции индивида, и достижению соответствия между представлениями и выбранной ролью. В контексте этой теории важным понятием является «карьерная адаптируемость» (career adaptability) как готовность справляться с трудностями в профессии, адаптироваться к новой работе, подчас непредвиденными изменениями в карьерной сфере и умение использовать их для собственной пользы [23, р. 254–255]. Как отмечается в ряде исследований, карьерная адаптируемость определяется оптимизмом, социальной поддержкой, субъективным благополучием, удовлетворенностью работой и позитивным восприятием будущего [21]. Ориентация на будущее является важной переменной для изучения особенностей профессиональной ориентации (career decision-making), влияющей на позитивное восприятие будущей работы [27].

Для изучения восприятия будущего используется довольно широкий набор методов и инструментов. Так, одним из способов изучения возможных Я является опросник Д. Ойзерман и Х. Р. Маркус, предлагающий респондентам представить себя через год и обозначить по три варианта для желаемого Я, ожидаемого Я и того Я, которое вызывает опасение [20]. Другой опросник, нацеленный на анализ ожиданий от будущей жизни (future expectations), предполагает оценку респондентами вероятности того или иного события в собственной будущей жизни (через десять лет). Пункты группируются в отдельные шкалы, характеризующие события в личной, образовательной и профессиональной областях [17]. Еще одной методикой изучения представлений о будущем является полуструктурированный опросник, состоящий из двух вопросов: «Когда Вы думаете о своем будущем, через сколько лет Вы можете себя представить (например, 7 или 10 лет)?» и «Подумайте о том, времени, которое Вы только что отметили и постарайтесь описать свою жизнь. Постарайтесь отметить как можно больше жизненных сфер (например, работа, семья)» [18]. Наконец, для решения более специфических задач, связанных с восприятием будущей работы, предложена шкала для измерения у молодых людей их восприятия возможного трудоустройства в будущем (Perceived Future Employability Scale) [12] на основе представлений респондентов о своей профессиональной деятельности после завершения учебы. В качестве факторов, способствующих трудоустройству молодых людей и их благополучию, рассматриваются восприятие ими своих будущих навыков, ожидаемого опыта, личных качеств, социальных связей, знания рынка труда, и понимания ими престижности учебного заведения.

Исследование представлений о будущей жизни может осуществляться и с помощью качественных методов (интервью, эссе). Анализ данных в этих дескриптивных исследованиях проводится в рамках интерпретативного феноменологического анализа [13], тематического анализа [6; 18; 19]. Как правило, результаты такого рода

исследований представляют собой описание доменов (областей) будущей жизни и позволяют выявить типический опыт или типы представлений о будущем.

Говоря о качественных методах в изучении будущего, нельзя не упомянуть о мониторинговом исследовании представлений студентов Университета Кейптауна о будущем Южно-Африканской Республики. Для этого испытуемым необходимо было предложено написать небольшое эссе (2-3 страницы) о будущем ЮАР через 50 лет. Опираясь на идеи Карла Манхейма о социальной нестабильности, порождающей различные утопии и идеологии будущего, исследователи выявили различные типы воспроизводимой студентами идеологии. Повторные замеры по аналогичной методике позволили уточнить содержание отдельных типов и выявить связи с другими независимыми переменными [14].

Подводя итог, следует отметить, что будущее, представления о нем, занимают значимое место в психической жизни человека. Это область надежд, планов, целей, устремлений, ожиданий, касающихся как весьма конкретных эпизодов, так и жизни в целом. Возрастающая индивидуализация, дестандартизация и биографизация жизненного пути, связанная с изменением традиционных социальных институтов, определяет развитие рефлексивного самосознания и актуализацию будущего для конструирования индивидами их идентичности, биографического проектирования и корректировки своей жизненной траектории.

Современное понимание идентичности как вектора предполагает рассмотрение не только и не столько *status quo* индивида в настоящем, сформированного благодаря прошлому жизненному опыту и определяемого его социальной интегрированностью, но и того, кем он планирует быть, или наоборот опасается стать. Индивид черпает представления о будущей жизни из настоящего и прошлого, выбирая то, что ему ближе, на что он готов согласиться. При всем разнообразии, специфичности и даже непостоянстве индивидуальных представлений о собственной будущей жизни, за ними стоит контекстуальное интерсубъективное основание, укорененное в культуре. Благодаря этой особенности, изучение представлений о будущем приоткрывает понимание социальной среды, в которой живет человек, набора воспринятых им извне образцов, символов, идеологий.

В ряде исследований восприятия людьми собственного будущего убедительно показано, что их временная ориентация – одна из важных детерминант в целеполагании, мотивации, принятии решений, профессиональном развитии, адаптируемости, в совладании с трудными жизненными ситуациями. Подобного рода исследования имеют и практическую значимость: позволяют решать определенные задачи в управлении персоналом, в профессиональной ориентации и карьерном консультировании. Результаты ряда исследований свидетельствуют, что в условиях современной быстроменяющейся экономики необходимо не только ставить акцент на формировании профессиональных компетенций, но и обращать внимание на личностный потенциал молодых людей (их субъективное благополучие, жизнестойкость, представления о будущем), который играет значимую роль в адаптации к жизненным, профессиональным, карьерным переходам: школа – среднее/высшее учебное заведение, вуз – работа, работа – работа. Рефлексивный потенциал методик, ориентированных на изучение представлений о возможных, будущих Я, актуализирует размышления респондентов о дальнейшей жизни и их планах, помогая тем самым подойти более осмысленно к проблеме выбора и предупредить о возможных вызовах в будущем.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Василевская Е. Ю., Молчанова О. Н. Возможные Я: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 801–815.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

4. Охана Я., Луков В. А., Зубок Ю. А., Леонов В. Г., Агранович М. Л. Молодежь России: Обзор литературы [Электронный ресурс]. М. 2010. URL: http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/youth_in_Russia_Executive_Summary_rus.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
5. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55(5). P. 469–480. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.469
6. Bellare Y., Michael R., Gerstein L. H., Cinamon R. G., Hutchison A., Kim T., Choi Y. Future Perceptions of U.S. and Israeli Young Male Adults // *Journal of Career Development*. 2019. Vol. 46(4). P. 351–365. DOI: 10.1177/0894845318763956
7. Caruso E. M., Van Boven L., Chin M., Ward A. The Temporal Doppler Effect: When the Future Feels Closer Than the Past // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24(4). P. 530–536. DOI: 10.1177/0956797612458804
8. Chua L. W., Milfont T. L., Jose P. E. Coping Skills Help Explain How Future-Oriented Adolescents Accrue Greater Well-Being Over Time // *Journal of Youth and Adolescence*. 2015. Vol. 44. P. 2028–2041. DOI: 10.1007/s10964-014-0230-8
9. Cinamon R. G., Rich Y. Work and family plans among at-risk Israeli adolescents: A mixed-methods study // *Journal of Career Development*. 2014. Vol. 41. P. 163–184. DOI: 10.1177/0894845313507748
10. Croft A., Schmader T., Block K. Life in the Balance: Are Women's Possible Selves Constrained by Men's Domestic Involvement? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45(5). P. 808–823. DOI: 10.1177/0146167218797294
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
12. Gunawan W., Creed P. A., Glendon A. I. Development and Initial Validation of a Perceived Future Employability Scale for Young Adults // *Journal of Career Assessment*. 2019. Vol. 27(4). P. 610–627. DOI: 10.1177/1069072718788645
13. Hahn S. J., Kinney J. M. When I'm 75: College Students' Self Perceptions of the Challenges of Aging // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2020. Vol. 91(4). P. 404–420. DOI: 10.1177/0091415020912930
14. Leslie T., Finchilescu G. Perceptions of the future of South Africa: a 2009 replication // *South African Journal of Psychology*. 2013. Vol. 43(3). P. 340–355. DOI: 10.1177/0081246313493595
15. Ma Y., Huang G., Autin K. L. Linking Decent Work With Academic Engagement and Satisfaction Among First-Generation College Students: A Psychology of Working Perspective // *Journal of Career Assessment*. 2021. Vol. 29(1). P. 148–163. DOI: 10.1177/1069072720943153
16. Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41(9). P. 954–969. DOI: 10.1037/0003-066X.41.9.954
17. Mello Z. R., Swanson D. P. Gender Differences in African American Adolescents' Personal, Educational, and Occupational Expectations and Perceptions of Neighborhood Quality // *Journal of Black Psychology*. 2007. Vol. 33(2). P. 150–168. DOI: 10.1177/0095798407299514
18. Michael R., Kim T., Hutchison A., Cinamon R. G., Gerstein L. H., Park J., Choi Y., Bellare Y., Collins R. U.S. and Israeli young women's future perceptions // *International Journal of Educational and Vocational Guidance*. 2017. Vol. 17. P. 121–141. DOI: 10.1007/s10775-015-9320-8
19. Michael R., Shum K. K-M. Future perceptions of Israeli and Hong Kong young adults // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2021. Vol. 21. DOI: 10.1007/S10775-021-09479-Y
20. Oyserman D., Markus H. R. Possible selves and delinquency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59(1). P. 112–125. DOI: 10.1037/0022-3514.59.1.112
21. Öztemel K., Yıldız-Akyol E. The Predictive Role of Happiness, Social Support, and Future Time Orientation in Career Adaptability // *Journal of Career Development*. 2021. Vol. 48(3). P. 199–212. DOI: 10.1177/0894845319840437
22. Rizzo A., Chaoyun L. How young adults imagine their future? The role of temperamental traits // *European Journal of Futures Research*. 2017. Vol. 5: 9 DOI: 10.1007/s40309-017-0116-6
23. Savickas M. L. Career adaptability: an integrative construct for life-span, life-space theory // *The Career Development Quarterly*. 1997. Vol. 45(3). P. 247–259. DOI: 10.1002/j.2161-0045.1997.tb00469.x
24. Savickas M. L. *Career Construction: A Developmental Theory of Vocational Behavior In Career choice and development*. 4th ed., D. Brown and associates (eds.). 2002. John Wiley & Sons, Inc. P. 149–205.
25. Si K., Wyer R. S., Dai X. Looking Forward and Looking Back: The Likelihood of an Event's Future Reoccurrence Affects Perceptions of the Time It Occurred in the Past // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. Vol. 42(11). P. 1577–1587. DOI: 10.1177/0146167216665343
26. Vinken H. New life course dynamics?: Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // *Young*. 2007. Vol. 15(1). P. 9–30. DOI: 10.1177/1103308807072679
27. Walker T. L., Tracey T. J. G. The role of future time perspective in career decision-making // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. Vol. 81(2). P.150–158. DOI: 10.1016/j.jvb.2012.06.002
28. Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's across different European contexts // *Young*. 2006. Vol. 14(2). P. 119–139. DOI: 10.1177/1103308806062737
29. Williams E. F., Gilovich T. Conceptions of the Self and Others Across Time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34(8). P. 1037–1046. DOI: 10.1177/0146167208317603.